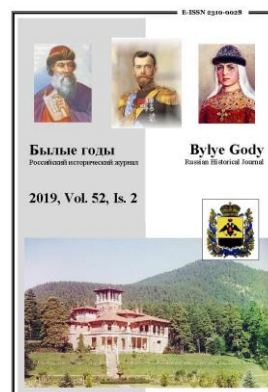

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 748-756. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.748
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian North in Search of Change in the end of 19th – beginning of 20th century

Vladislav I. Goldin ^{a,*}, Flera Kh. Sokolova ^a, Vladimir M. Kapitsyn ^b, Alexandr E. Shaparov ^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

^bMoscow State University named after Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the analysis of the contradictory processes of the Russian North development in the end of 19th – beginning of 20th century. The authors analyze the economic, social and cultural aspects of the regional life, existing problems and search of their solving, relations between the North and the Centre. The article discovers entwinement of archaic and modernization tendencies in the life of the region. The paper characterizes the changes in the North and in particular in Murman in the years of World War I when the region obtained an important strategic significance for the interrelations and transportation of cargoes between Entente countries and Russia. The authors examine the most important projects which were realized in the North during the WWI. It is pointed out the growing influence of the Entente countries and Great Britain first of all in the Russian North and in particular in the naval area. The paper analyzes the factors which heightened tensions in the region during the WWI and gives the explanation why different strata of the northerners welcomed the downfall of autocracy in February 1917 and believed for the revolutionary renewal.

Keywords: the Russian North, modernization, region, reforms, revolution, World War I.

1. Введение

Последние годы проходят в России под знаком страстных дискуссий, связанных со столетием великих потрясений и осмыслением их причин и истоков, диалектики реформ и революций. Более глубокое понимание этих процессов дает региональный подход, учитывая крайнюю пестроту и мозаичность территории Российской империи. Целью этой статьи является анализ процессов, происходивших в конце XIX – начале XX веков на Европейском Севере России или Русском Севере, как называли регион современники, изучение центрo-региональных отношений, попыток реформ и их результатов, характера и глубины существовавших здесь противоречий. В административном отношении указанный регион объединял Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии.

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили документы Государственного архива Российской Федерации, архивов внешней политики Российской империи и Российской Федерации (Москва), периодическая печать рассматриваемого периода и научные публикации в современных изданиях. В основе методологии исследования лежат системный и междисциплинарный подходы. Статья основывается на базовых научных принципах (объективности, историзма, системности, комплексности), использован широкий спектр методов исторической и ряда других социальных наук. Большое значение имело использование компаративистики, что воплощалось в сравнении развития Севера России с Великим княжеством Финляндским, Норвегией и Швецией. Значимым

* Corresponding author

E-mail addresses: v.i.goldin@yandex.ru (V.I. Goldin), f.sokolova@narfu.ru (F.Kh. Sokolova), kapizyn@yandex.ru (V.M. Kapitsyn), a.shaparov@narfu.ru (A.E. Shaparov)

представляется анализ альтернатив развития в историческом прошлом и уроков, вытекающих из этого для современности, взаимоотношений центра и северных территорий России.

3. Обсуждение

Проблемы развития северного региона России в изучаемый период стали предметом активного обсуждения уже современниками, что воплотилось в ряд книг и в публикации в периодической печати. В советскую эпоху эти страницы истории раскрывались главным образом в контексте анализа предпосылок для революционного процесса, предыстории 1917 года и Гражданской войны в регионе. В постсоветский период в повестке исследований оказались особенности модернизации Севера России в сопоставлении с общероссийскими процессами, а также взаимоотношения общества и природы на Севере в контексте догоняющей модернизации и социальной экологии, в том числе социальной антропологии (Коротаев, 1998). Важной темой переосмысления и качественно нового раскрытия стали социальные процессы здесь, выявление их динамики посредством анализа особенностей «демографического перехода», урбанизации, социальной мобильности и ее форм, конфликта поколений, оценки уровня благосостояния населения, а также изменения вектора социального развития и реакции общества на кризисные явления, познание особенностей социализации личности северян и мотивации их действий в рассматриваемую переломную эпоху (Трошина, 2011).

Предметом комплексного изучения стало развитие модернизационных процессов, сопоставление модерности и архаики в отдельных регионах – в Архангельской и Вологодской губерниях, в Карелии, Коми, на Мурмане. Вышли в свет обобщающие издания, где нашли отражение попытки и результаты реформ на этих территориях, политические, экономические, социальные и культурные процессы, их человеческое измерение, взаимоотношения центра и регионов в формировании и реализации северной политики (Поморская энциклопедия, 2001; Овсянкин, 2000; История Карелии, 2001; История Коми, 2004; Федоров, 2009; Попов, Давыдов, 1999).

Столетие Первой мировой войны способствовало комплексному анализу процессов, происходивших на Севере в эту эпоху, выявлению не только сложностей и потерь военного времени, но и изучению причин и факторов резкого возрастания стратегического значения этого макрорегиона в рассматриваемый период, и прежде всего в силу того, что он стал основной коммуникацией, связывавшей Россию и союзников по Антанте, что способствовало реализации масштабных проектов, обсуждавшихся еще в конце XIX – начале XX веков, но не осуществленных ранее (строительство Мурманской железной дороги, Мурманского порта, развитие всей инфраструктуры региона и др.). Возрастание роли северного вектора российской и международной политики сопровождалось эволюцией взаимоотношений центра и северных территорий, противоречивыми социально-демографическими и миграционными процессами (Федоров, 2009; Трошина, 2014).

В современных международных изданиях усилиями ученых России, Скандинавских стран и Финляндии осуществляется сопоставительный анализ исторического развития северных территорий России, Норвегии, Финляндии и Швеции, протекания здесь модернизационных процессов, выявляются особенности развития государственности, территорий и этносов, анализируется общее и особенное в менталитете северян в разных странах, раскрываются различные конструкты «северности», характеризуется значение северных регионов для формирования национальной идентичности (Нет Севера, 2016; The Barents Region, 2015).

Анализ исторических процессов и опыта освоения северных территорий приобретает особое значение в условиях возрастания роли Севера и Арктики в современной геополитике России и других стран.

4. Результаты

Европейский Север на рубеже веков представлял собой своеобразный уголок России. Это был край уникальной культуры, находившийся на стадии сложного исторического перехода от традиционного к раннеиндустриальному обществу. На обширном, но малонаселенном пространстве, равном по территории Англии, Франции, Италии, Бельгии и Голландии, где проживало более 2 млн. человек, наблюдалась пестрота культур и укладов жизни. Здесь своеобразно соприкасались и приживались традиции и тенденции архаики и новаций, преимущественно аграрного общества и приграничного региона, население которого в течение веков вело трансграничную торговлю с североευропейскими соседями, поддержало экономические и культурные связи с Центральной и Западной Европой.

Характеризуя ситуацию на Севере той поры, видный историк А.А. Кизеветтер писал, что на основании поверхностных впечатлений он представляет собою «нечто вроде мертвого капитала в составе владений русского государства». Но он отмечал, что в прошлые эпохи Северу «принадлежала важная и активная роль в общем ходе и экономического, и политического развития России», и полагал, что ему «в силу тех же природных его условий может и в будущем предстоять важная положительная роль в общем процессе возрождения России» (Кизеветтер, 2002: 144-145).

Ему вторил архангельский губернатор А.П. Энгельгардт, утверждавший, что «по своему географическому положению и своим естественным богатствам край... обладает всеми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояние местного населения, но и служить на пользу всего государства» (Энгельгардт, 2009: 13). Не без его участия и по заданию императора Александра III летом 1894 года состоялась поездка по Северу министра финансов России С.Ю. Витте в сопровождении чиновников, промышленников и журналистов.

Витте проехал от Вологды водным путем до Архангельска, а затем через Соловецкие острова на Мурман. Он представил царю о возможности сооружения в Екатерининской бухте крупного военного и торгового порта, высказался за постройку железной дороги отсюда до Санкт-Петербурга через русскую Карелию, высоко оценивал исторически сложившиеся духовные силы поморского населения, которые надлежит применить «в интересах государственных» (Федоров, 2009: 139-141). Но Александр III умер в 1894 году, а вступивший на престол Николай II, первоначально высказавшийся в поддержку указанных идей, в дальнейшем отложил их реализацию.

Освоение и модернизация Севера были тесно связаны с развитием сети коммуникаций. В 1898 году вступила в эксплуатацию узкоколейная железная дорога, связавшая Архангельск с Вологдой и далее с Москвой. В 1899 году началось движение поездов из Перми через Вятку в Котлас, а в 1900 году эта линия была объединена с Пермь-Тюменской железной дорогой, что означало создание железнодорожной коммуникации между Севером и Сибирью, открывало возможности для экспорта сибирских товаров через порт Архангельска. Но замысел строительства железной дороги до Оби не был реализован, как и планы создания «великого пути» от Владивостока и Порт-Артура до Архангельска и Мурмана и канала от Белого до Балтийского морей (Федоров, 2009: 142-144; Голубев, 2011: 27; Попов, 2001: 427-428).

Несмотря на некоторые подвижки, актуальной оставалась проблема развития речного и морского транспорта на Севере, тем более что почти все морские перевозки осуществлялись на иностранных судах. Адмирал С.О. Макаров и ученый Д.И. Менделеев выступили инициаторами создания ледокольного транспорта, чтобы способствовать безопасности мореплавания, освоению пространств Арктики и охране морских границ. Но на деле ледокольный флот, как и флотилию Ледовитого океана, пришлось создавать уже в годы Первой мировой войны.

Приграничный характер северных территорий вызывал серьезную озабоченность русских властей и общественности. Это касалось прежде всего Мурмана, требовавшего интенсивного обустройства, особенно на фоне контраста с соседним норвежским Финнмарком, и, учитывая, что в мурманской колонизации активное участие принимали норвежцы и финны. Архангельский губернатор И.В. Сосновский в докладной записке в МВД в 1909 году настаивал на необходимости закрытия допуска на Мурман иностранцев и усилении привилегий русскому населению (Голдин, 2018: 64).

Острый дипломатический кризис разразился в 1909–1910 годах в российско-норвежских отношениях вокруг архипелага Новая Земля, где столкнулись интересы русских и норвежцев. И лишь демонстрация Россией силы и решимости привела к признанию Норвегией российских прав на этот архипелаг (Попов, 2001: 411-414, 421-423; Нильсен, 1995: 170, 181-185). А вот международный диалог начала XX века вокруг архипелага Шпицберген, на который претендовала Россия, не дал результатов.

В начале XX века более 90% северного населения жило в деревне, и ее модернизация приобретала особое значение. Но этому процессу препятствовали запутанность аграрных отношений и землеустройства, малоземелье, рискованный характер земледелия и др. Типичной для Севера была ситуация в Олонецкой губернии, где общинным землепользованием было охвачено в 1905 году 97% дворов и 98% всей надельной земли (История Карелии: 310). Отсутствие на Севере сколько-нибудь значительного помещичьего землевладения вело к тому, что в земельных отношениях крестьяне были связаны, прежде всего, с государством.

Столыпинская аграрная реформа на Севере России не дала желаемых результатов, и разрушить общину не удалось. К 1916 году по трем северным губерниям доля личных собственников составила 7,2%, а количество укрепленной земли равнялось 3,7% от всей надельной земли. В общей массе общинников прослойка участковых хозяйств составляла 3,1% в Вологодской губернии, 1,6% – в Олонецкой и 0,5% – в Архангельской губернии (История северного крестьянства, 1985: 171, 174). Это объяснялось устойчивостью общинных традиций, трудностью ведения частного хозяйства, малоземельем, недостатком средств, выделяемых на проведение реформы, и др.

Проблему малоземелья можно было решить за счет государственных, удельных, помещичьих и церковных земель, но для продажи была выделена лишь часть удельных и казенных земель. Мечтой крестьян была бесплатная передача им всех этих земель. Всплеск крестьянских выступлений на Севере произошел в годы Первой российской революции, особенно в Шенкурском уезде Архангельской губернии. Нарастание противоречий в деревне, стычки между крестьянами, столкновения общинников с хуторянами и отрубниками, разлад в семьях из-за передела земли, растущая неприязнь к власти характеризовали и период между революциями, хотя выступления в активных и пассивных формах носили ограниченный характер.

Характерной чертой перемен в северной деревне стало развитие кооперативного движения. Так, в Вологодской губернии число кооперативов увеличилось с 1905 к 1914 году с 18 до 514. Большинство кооперативов были потребительскими, а на втором месте была кредитная кооперация. Значительное распространение на Вологодчине получили маслодельные артели, которых к концу 1914 года было уже более ста. Для помощи крестьянам во внедрении современной техники и технологий в 1908 году возникло Вологодское общество сельского хозяйства ([История Вологодского края, 2008: 234-235](#)). В Шенкурском уезде Архангельской губернии развивались знаменитые смолокурные артели. Именно кооперативное движение рассматривалось местными общественно-политическими деятелями как наиболее соответствующий духу и настроениям крестьян путь модернизации Севера и прежде всего сельского хозяйства региона.

Северные крестьяне, чтобы выжить, вынуждены были заниматься кустарными промыслами и отходничеством. Так, в Архангельской губернии земледельческие занятия давали крестьянам только 30–40 % их совокупного дохода. Основной доход они получали от промыслов, которые были связаны в основном с лесозаготовками, работой на лесопильных заводах, а в самых северных районах, на морском побережье – с рыболовством и охотой. Накануне Первой мировой войны по трем северным губерниям промыслами занимались 84,7 % крестьянских хозяйств, а по стране этот показатель составлял 52,2 % ([Шумилов, 1973: 27](#)).

Аграрный капитализм развивался в северной деревне медленно и противоречиво. Обострявшееся малоземелье и сохранявшаяся архаичность сельского хозяйства приводили к росту экономической и социальной напряженности в деревне и в крестьянских семьях, выдавливали избыточные трудовые ресурсы в город или, по крайней мере, в отходническую деятельность. Знакомство с городским укладом жизни несло в себе и положительные, и отрицательные черты. В 1914 году удельный вес сельского населения был самым высоким в Вологодской губернии – 94,6 %, а самым низким – в Архангельской губернии – 88 %. При этом с сельским хозяйством была связана основная трудовая деятельность большинства северян: 89,8 % – в Вологодской губернии, 84 % – в Олонецкой и 79,8 % – в Архангельской губернии ([Трошина, 2011: 133, 137](#)).

В результате малоземелья и неразвитости в северной деревне нарастали социальные, имущественные, внутриобщинные и межобщинные, внутрисемейные и межпоколенческие противоречия, земельные и иные споры и конфликты. В крестьянской среде вызревали идеи «черного передела».

В начале XX века на Севере ускорилось развитие промышленности, что сопровождалось формированием рабочего класса и преобразованием купечества в промышленную буржуазию. Ведущей отраслью индустрии являлась лесная, росли лесозаготовки и лесопиление. В 1912 году из 37 акционерных лесопильных предприятий России 11 работали на Севере. В 1914 году удельный вес производства лесопильных заводов Архангельска составлял 65 % от общероссийского уровня ([Овсянкин, 2000: 249-259](#)).

Но в системе мирового разделения труда Русскому Северу отводилась роль сырьевого придатка Запада, поставщика сырого и полуобработанного леса. Так, экспорт круглого леса из Архангельского порта увеличился с 1900 по 1912 год в 15 раз, а пиленого – только в 2 раза. В соседних Норвегии и Финляндии завершилась реконструкция лесопромышленного комплекса, были построены целлюлозно-бумажные и другие лесобрабатывающие предприятия, которые во многом работали на русском сырье. В результате основная часть доходов от переработки русских лесоматериалов оседала у западных предпринимателей. Имея большие запасы леса, чем в соседних странах, Север России колоссально уступал по эффективности и объемам производства и экспорту готовой продукции. Лесной комплекс нуждался в технической реконструкции ([Голдин, 2018: 76-77; Трофимов, 1961: 240-241](#)).

В 1913 году в трех северных губерниях насчитывалось 227 цензовых предприятий ([Шумилов, 1973: 21-22](#)). Но в целом промышленность Севера была неразвитой, а ее темпы развития – низкими. Многие экономические проекты оставались на бумаге, а Север был для центра отдаленной провинцией. В связи с этим Кизеветтер указывал, что «нужно прийти туда с железными дорогами, с широко поставленными предприятиями по разработке местных промыслов, с густой сетью всевозможных образовательных учреждений – словом, со всем тем, что выработано мировой промышленной культурой XIX столетия» ([Кизеветтер, 2002: 186](#)).

Неразвитой была образовательная инфраструктура Севера. Так, в Вологодской губернии в 1910 году школы посещало чуть более половины детей школьного возраста (от 8 до 12 лет). В Архангельской губернии вне школы оставалось более половины детей, а в наиболее удаленном Печорском уезде – 85,9 %. Профессиональное образование на Севере было представлено немногочисленной сетью учреждений педагогического, медицинского, духовного и технического образования. Здесь не было вузов. Процесс создания первого из них – Вологодского молочно-хозяйственного института – растянулся на несколько лет, и занятия в нем начались лишь в декабре 1917 года ([Голдин, 2018: 83, 84; Соколова, 2004: 140](#)).

Процессы экономической, социальной и культурной модернизации на Севере проходили замедленными темпами и не синхронно. Города, призванные стать центрами новой культуры, здесь еще далеко не были таковыми. Предпринимательское сословие и интеллигенция находились в стадии

становления и, пытаясь представить свое видение модернизации Севера во взаимоотношениях с центром, часто не находили понимания. Центральная власть с настороженностью относилась к идеям новаций, а считавшаяся демократической Архангельская губерния так и не получила земства, за которое активно боролась часть местной интеллигенции.

Рабочий класс Севера находился в стадии становления, и при его немногочисленности в нем преобладали представители первого поколения, к которым примыкали отходники и сезонные работники. Рабочие проходили школу профессионального, социального и политического становления.

Неразвитость социально-классовой структуры и классовых противоречий на Севере способствовала тому, что уровень конфликтности классового характера здесь был относительно низок. В то же время северяне не могли быть удовлетворены ситуацией неразвитости и отсталости региона, нерешенности многих актуальных вопросов, низкого уровня жизни и необходимости выживания большей части населения, высокого уровня эксплуатации и отсутствия системы социальной защиты. Не было продуманной государственной политики развития Севера. Вместе с тем модернизационные процессы, хотя и медленно, но размывали старые нормы и традиции жизни, появлялись и новые противоречия, усиливалась напряженность на разных уровнях: семейном, локальном, региональном.

Первая мировая война оказала противоречивое воздействие на жизнь Севера России. С одной стороны, он, как и страна в целом, ощутил на себе все тяготы военного времени. С другой – в силу резкого возрастания стратегического значения Севера как главной морской магистрали, связывающей Россию с союзниками по Антанте, по которой шли огромные потоки грузов, он переживал период ускоренной модернизации ряда отраслей и реализации проектов, которые обсуждались с конца XIX века.

Речь идет прежде всего о строительстве Мурманской железной дороги, что сопровождалось комплексом решений военного, экономического и социального характера, привлечением для реализации проекта, по различным оценкам, от 70 до 170 тысяч разных категорий людей (местного населения, иных российских национальностей, десятков тысяч военнопленных). Дорога была официально открыта и пущена во временную эксплуатацию в ноябре 1916 года (Голубев, 2011: 115-119; Попов, Давыдов, 1999: 189-193).

В сентябре 1916 года был основан город Романов-на-Мурмане. Здесь шло строительство военного и торгового порта и необходимой инфраструктуры. К началу 1917 года тут проживало около 13 тысяч жителей, столько, сколько было на всем Мурмане до войны. Преобладание в составе населения военных моряков, солдат, рабочих во многом предопределило развитие событий здесь в 1917 году.

Стремительно модернизировался и расширялся архангельский порт, обслуживавший основной грузопоток между Россией, Великобританией и Францией, развивалась его инфраструктура. За 1914–1917 годы через северные порты было ввезено из-за рубежа 5927 тыс. т. грузов, в т.ч. 5,5 млн. т. через порт Архангельска. Объем экспорта составил в это же время 4542 тыс. т., в т.ч. 4460 тыс. т. было отправлено через архангельский порт. С 1913 по 1917 год грузооборот северных портов увеличился более чем в 25 раз (Санников, 2014: 7; Быков, 1939: 6).

Потребность развития их и инфраструктуры, наряду с потоками беженцев и мигрантов на Север, привела к быстрому росту населения, прежде всего губернских центров. За годы войны численность населения Вологды и Петрозаводска увеличивается вдвое. В Архангельске (без учета военнослужащих, беженцев, рабочих пригородов и рабочих поселков) оно возросло в полтора раза, до более 65,5 тыс. человек (Трошина, 2014: 289). Железная дорога Архангельск–Вологда была переведена на широкую колею, развивались водные коммуникации и их инфраструктура.

Русский Север в военное время превратился в важный центр межгосударственной политики стран Антанты. Вопросы межсоюзнических поставок, обеспечения их транспортировки и охраны регулярно обсуждались в переписке, на рабочих встречах и конференциях представителей стран Антанты. В северных русских водах с 1915 года на постоянной основе находились их военные корабли, для обеспечения охраны морских поставок была создана союзная Арктическая эскадра. В соответствии с соглашением между Россией и Великобританией от 26 апреля 1916 года все порты Белого моря и Ледовитого океана закрывались для судов, не получивших специального разрешения британского Адмиралтейства (АВПРИ. МИД. Канцелярия «Война». Оп. 473. Д. 103. Л. 13; Д. 116. Л. 1-2; ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 34. Л. 4; АВПРФ. Ф. 54-М. Оп. 1. Д. 34. Л. 14-15).

В 1916 году создается русская флотилия Северного Ледовитого океана, в т.ч. Кольский район и отряд судов Кольского залива. Но превосходство в силах было у союзников, и в 1917 году русский Морской штаб в Петрограде вынужден был признать, что хозяевами положения в северных русских водах являются «англичане, а не мы» (Столяренко, 1960: 15; Голдин, 2018: 106-108). Укрепление политического, военного, экономического и дипломатического влияния стран Антанты, и прежде всего Великобритании, на Русском Севере привело к тому, что, оценив его стратегическое положение, они осуществляют в 1918 году интервенцию сюда.

Результатом понимания в условиях войны значения Севера для России в конце 1916 года с санкции царя по инициативе министра А.Ф. Трепова и под его председательством было создано «Межведомственное совещание по развитию Севера». В ходе его заседаний в конце 1916 – феврале 1917 гг. обсуждались вопросы привлечения на Север крупной промышленности, освоения его минеральных богатств, рыбного и лесных промыслов, а также создания поселений и городов, социального и культурного обустройства территорий вдоль Мурманской и Олонецкой железных дорог. Были созданы подкомиссии по устройству школьного дела, церквей и приходов ([Архангельск, 1917](#); [Федоров, 2009: 166-167](#)).

Так, в годы войны произошли некоторые подвижки в понимании властью важного стратегического положения Севера России, что обычно происходило и в дальнейшем в наиболее сложные для страны периоды.

Вместе с тем мировая война привела к появлению целого комплекса проблем, падению жизненного уровня широких слоев северян, кроме людей, непосредственно связанных с выполнением военных заказов и транспортировкой грузов. С начала войны и до начала января 1917 года в армию были призваны 298611 северян или чуть более половины мужского населения трудоспособного возраста. Это особенно тяжело ударило по северной деревне. В 1917 году здесь насчитывалось 27 % хозяйств без рабочего скота, 11 % – без коров и почти столько же – без посевов ([Трошина, 2014: 197](#); [Шумилов, 1973: 35](#)). Это привело к росту продовольственных потребностей и продовольственному кризису в регионе.

Сложные проблемы были связаны с притоком беженцев и мигрантов, особенно в крупных городах и портах, что привело и к обострению жилищного кризиса. Усиливались дороговизна, дефицит продуктов первой необходимости, спекуляция. Особый круг проблем создавал быстрый рост военнотружущих, особенно в городах и местах их массового сосредоточения. Свои проблемы порождали военнопленные и интернированные, появившиеся в северных губерниях. Все это вело к росту напряженности.

Вместе с тем социальные протесты, всплеск которых произошел и на Севере в годы Первой российской революции, не были распространены здесь в период войны. Наблюдались лишь отдельные локальные выступления экономического характера, связанные с продовольственным снабжением, дороговизной и пр.

Но постепенно в регулярных рапортах северных губернаторов и начальников жандармских управлений в центр начинали звучать нотки обеспокоенности. Так, олонецкий губернатор доносил в марте 1915 года, что «настроение народа становится неблагоприятным для правительства». Начальник жандармского управления этой же губернии в донесении в Департамент полиции сделал следующий вывод: «В общем, следует прийти к заключению, что Олонецкая губерния в политическом отношении пока дремлет, но горячий материал в ней имеется, и в случае каких-либо всеобщих нежелательных явлений, она, хотя и в хвосте, но все же примкнет к ним» ([История Карелии, 2001: 324-325](#)). Так и произошло после получения известий о февральских событиях 1917 года в Петрограде.

5. Заключение

Процессы, происходившие на Севере России в конце XIX – начале XX веков, были частью системного кризиса, назревавшего в стране. Попытки разрешить существующие противоречия путем реформ не дали результатов, и мировая война только обострила их. В различных сферах жизни Европейского Севера в исследуемый период переплетались архаичные и модернизационные тенденции. Война актуализировала решение здесь ряда проблем, которые были очевидны на протяжении предшествующих десятилетий, но в то же время привела к появлению или обострению целого ряда других.

Февральская революция в Петрограде круто изменила жизнь как России в целом, так и ее северных губерний. Копившаяся на протяжении лет неудовлетворенность северян действиями центральной власти, тем, что Север России был фактически пасынком в Российской империи, растущая конфликтность, напряженность и испытания военного времени привели к тому, что свержение самодержавия приветствовали здесь фактически все слои населения, возлагая надежды на революционные перемены.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917–1918 гг.»).

Литература

- [АВПРИ](#) – Архив внешней политики Российской империи.
[АВПРФ](#) – Архив внешней политики Российской Федерации.
[Архангельск, 2017](#) – Архангельск. 2017. 2, 9, 15, 25/02.

- [Быков, 1936](#) – *Быков П.Д.* Военные действия на Северном русском морском театре в империалистическую войну. 1914–1918 г. Л., 1939. 49 с.
[ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
[Голдин, 2018](#) – *Голдин В.И.* Север России на пути к Гражданской войне. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
[Голубев, 2011](#) – *Голубев А.А.* История строительства Мурманской железной дороги. Санкт-Петербург: ПГУПС, 2011. 205 с.
[История Вологодского края, 2008](#) – История Вологодского края. Вологда: ВГПУ, 2008. 400 с.
[История Карелии, 2001](#) – История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
[История Коми, 2004](#) – История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х томах. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004.
[История северного крестьянства, 1985](#) – История северного крестьянства. В трех томах. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985. 384 с.
[Кизеветтер, 2002](#) – *Кизеветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства // Русский Север в системе геополитических интересов России. М.; Архангельск: ПГУ, 2002. С. 144-186.
[Коротаев, 1998](#) – *Коротаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX веков: Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: ПГУ, 1998. 191 с.
[Нет Севера, 2016](#) – Нет Севера, а есть Севера. М.: ЛЕВАНД, 2016. 288 с.
[Нильсен, 1995](#) – *Нильсен Й.П.* Новая Земля – «ничейная земля»? // Северная Европа. Проблемы истории. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 170-185.
[Овсянкин, 2000](#) – *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск: Архконсалт, 2000. 528 с.
[Поморская энциклопедия, 2001](#) – Поморская энциклопедия. В 5 томах. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: ПГУ, 2001. 483 с.
[Попов, 1999](#) – *Попов Г.П.* Губернаторы Русского Севера. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 2001. 496 с.
[Попов, Давыдов, 1999](#) – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX вв. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 222 с.
[Санников, 2014](#) – *Санников Л.И.* Архангельск и Антанта в Первой мировой войне. 1914–1918 годы // *Известия Русского Севера*. 2014. №4. С. 5-8.
[Соколова, 2004](#) – *Соколова Ф.Х.* Исторический опыт становления высшей школы на Европейском Севере России // Высшее образование в России. 2004. №6. С. 140-145.
[Столяренко, 1960](#) – *Столяренко М.А.* Моряки в огне революции. Л.: Лениздат, 1960. 196 с.
[Трофимов, 1961](#) – *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М.: Соцэкгиз, 1961. 264 с.
[Трошина, 2011](#) – *Трошина Т.И.* Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск: Поморский университет, 2011. 338 с.
[Трошина, 2014](#) – *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 347 с.
[Федоров, 2009](#) – *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории: Центр и Кольское Заполярье в XVI – XX вв. Мурманск: МПГУ, 2009. 388 с.
[Шумилов, 1973](#) – *Шумилов М.А.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Карелия, 1973. 338 с.
[Энгельгардт, 2009](#) – *Энгельгардт А.П.* Русский Север. Путевые заметки. М.: ОГИ, 2009. 256 с.
[The Barents Region, 2015](#) – The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Oslo: Pax Forlag, 2015. 518 p.

References

- [AFPRF](#) – Arkhiv vneshney politiki Rossiiskoy Federatsii [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. [in Russian]
[Arkhangelsk, 2017](#) – Arkhangelsk. 2017. 2, 9, 15, 25/02.
[AVPRI](#) – Arkhiv vneshney politiki Rossiiskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]
[Bykov, 1936](#) – *Bykov P.D.* (1939). Voennye deystviya na Severnom russkom morskome teatre v imperialisticheskuyu voynu. 1914–1918 gg. [The military actions in the Northern naval area in the imperialistic war. 1914–1918]. Leningrad. 49 p. [in Russian]
[Engel'gardt, 2009](#) – *Engel'gardt A.P.* (2009). Russkiy Sever. Putevye zametki [The Russian North. Travel writing]. Moscow: OGI. 256 p. [in Russian]

Fedorov, 2009 – *Fedorov P.V.* (2009). Severnyy vector v rossiyskoy istorii: Tsentr i Kol'skoe Zapolyar'e v XVI – XX vv. [The northern vector of the Russian history: Center and Kola Arctic Circle in 16th – 20th centuries]. Murmansk: MPG.U. 388 p. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of Russian Federation] [in Russian]

Goldin, 2018 – *Goldin V.I.* (2018). Sever Rossii na puti k Grazhdanskoj vojne [The North of Russia on the way to the Civil War]. Arkhangelsk: NArFU. 623 p. [in Russian]

Golubev, 2011 – *Golubev A.A.* (2011). Istorija stroitel'stva Murmanskoy Zheleznoy dorogi [The history of the Murmansk railroad building]. Saint-Petersburg: PGUPS. 205 p. [in Russian]

Istorija Karelii, 2001 – Istorija Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney [The history of Karelia from the ancient times up to nowadays]. Petrozavodsk: Periodika, 2011. 944 p. [in Russian]

Istorija Komi, 2004 – Istorija Komi s s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka [The history of Komi from the ancient times up to the end of 20th century]. In 2 volumes. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. [in Russian]

Istorija severnogo krest'yanstva, 1985 – Istorija severnogo krest'yanstva. In 3 vols. Vol. 2: Krest'yanstvo Evropeiskogo Severa Rossii v period kapitalizma [The history of the northern peasantry. Vol. 2: Peasantry of the European North of Russia in the period of capitalism]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 384 p. [in Russian]

Istorija Vologodskogo kraja, 2008 – Istorija Vologodskogo kraja [The history of the Vologda region]. Vologda: VGPU, 2008. 400 p. [in Russian]

Kizevetter, 2002 – *Kizevetter A.A.* (2002). Russkiy Sever. Rol' Severnogo kraja evropeyskoj Rosii v istorii russkogo gosudarstva [The Russian North. The role of the Northern region of European Russia in history of the Russian state]. *Russkii Sever v sisteme geopoliticheskikh interesov Rossii*. Moscow: PGU. pp. 144-186. [in Russian]

Korotaev, 1998 – *Korotaev V.I.* (1998). Russkiy Sever v kontse XIX – nachale XX veka. Problemy modernizatsii i sotsial'noi ekologii [The Russian North in the end of 19th – beginning of 20th century. The problems of modernization and social ecology]. Arkhangelsk: PGU. 191 p. [in Russian]

Net Severa, 2016 – Net Severa, a est' Severa [There is no the North, but there are the Norths]. Moscow: Levand, 2016. 288 p. [in Russian]

Nielsen, 1995 – *Nielsen J.P.* (1995). Novaya Zemlya – nicheynaya Zemlya? [The New Land – no man's land]. *Severnaya Evropa. Proplemu istorii* [Northern Europe. The Problems of history]. Moscow: Progress-Akademiya. pp.170–185. [in Russian]

Ovsyankin, 2000 – *Ovsyankin E.I.* (2000). Arkhangelsk kupecheskiy [The Merchant Arkhangelsk]. Arkhangelsk: Arkhkonsalt. 528 p. [in Russian]

Pomorskaya entsiklopediya, 2001 – Pomorskaya entsiklopediya [Pomor Encyclopedia]. In 5 vols. Vol. 1: Istorija Arkhangelskogo Severa [The history of the Arkhangelsk North]. Arkhangelsk: PGU, 2001. 483 p. [in Russian]

Popov, 2001 – *Popov G.P.* (2001). Gubernatory Russkogo Severa [The Governors of the Russian North]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. 496 p. [in Russian]

Popov, Davydov, 1999 – *Popov, Davydov* (1999). Murman. Ochekki istorii kraja XIX – nachala XX v. [Murman. Sketches of the region history in 19th – beginning of 20th century]. Ekaterinburg, UrO RAN. 222 p. [in Russian]

Sannikov, 2014 – *Sannikov L.I.* (2014). Arkhangelsk i Antanta v Pervoy mirovoj vojne. 1914–1918 gody [Arkhangelsk in the First World War. 1914–1918]. *Izvestiya Russkogo Severa*. № 4, pp.5-8. [in Russian]

Shumilov, 1973 – *Shumilov M.A.* (1973). Oktyabr'skaya revoliutsiya na Severe Rossii [The October Revolution in the North of Russia]. Petrozavodsk. 388 p. [in Russian]

Sokolova, 2004 – *Sokolova* (2004). Istoricheskiy opyt stanovleniya vysshey shkoly na Evropeyskom Severe Rossii. [The historical experience of the formation of higher education in the European North of Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 6. pp. 140-145 [in Russian]

Stolyarenko, 1960 – *Stolyarenko M.A.* (1960). Moryaki v ogne revoliutsii [Sailors in the fire of revolution]. Leningrad.: Lenizdat. 196 p. [in Russian]

The Barents Region, 2015 – The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Oslo: Pax Forlag, 2015, 518 p.

Trofimov, 1961 – *Trofimov P.M.* (1961). Ocherki ekonomicheskogo razvitiya Evropeiskogo Severa Rossii [The sketches of the economic development of the European North of Russia]. Moscow: Sotsekgiz. 264 p. [in Russian]

Troshina, 2011 – *Troshina T.I.* (2011) Dinamika i napravlenost' sotsial'nykh protsessov na Evropeyskom Severe Rossii (pervaya chetvert' XX veka) [Dynamics and orientation of the social processes in the European North of Russia (the first quarter of the 20th century)]. Arkhangelsk: Pomor University. 333 p.

Troshina, 2014 – *Troshina T.I.* (2014). Velikaya voina i Severnyi kraj: Evropeyskiy Sever Rossii v gody Pervoy mirovoj vojny [The Great war and the Northern region: European North of Russia in the First World War years]. Arkhangelsk: NArFU. 347 p. [in Russian]

Русский Север в поисках перемен в конце XIX – начале XX веков

Владислав Иванович Голдин ^{а, *}, Флера Харисовна Соколова ^а, Владимир Михайлович Капицын ^б,
Александр Евгеньевич Шапаров ^а

^а Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

^б Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу противоречивых процессов развития Русского Севера в конце XIX – начале XX веков. Авторы анализируют экономические, социальные и культурные аспекты жизни региона, существующие проблемы и поиски путей их решения, взаимоотношения Севера с центром. Раскрывается переплетение архаичных и модернизационных тенденций в жизни края. Характеризуются перемены, происходившие на Севере России, и в частности на Мурмане в годы Первой мировой войны, в условиях, когда он приобрел важное стратегическое значение для взаимоотношений и транспортировки грузов между странами Антанты и Россией. Рассматриваются наиболее важные проекты, реализованные на Севере в годы войны. Отмечается растущее влияние стран Антанты, и прежде всего Великобритании на Русском Севере в условиях войны, в частности в военно-морской сфере. Анализируются факторы, которые вели к росту напряженности в регионе в ходе мировой войны и к тому, что фактически все слои населения Севера приветствовали свержение самодержавия в феврале 1917 года, возлагая надежды на революционное обновление.

Ключевые слова: Русский Север, модернизация, регион, реформы, революция, Первая мировая война.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.i.goldin@yandex.ru (В.И. Голдин),
f.sokolova@narfu.ru (Ф.Х. Соколова), kapizin@yandex.ru (В.М. Капицын),
a.shaparov@narfu.ru (А.Е. Шапаров)